
ӘДЕБИЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ RELEVANT ISSUES OF LITERATURE STUDY

DOI 10.31489/2023Ph4/137-150

УДК 82.091

А. Мустояпова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: mustoyanova2017@gmail.com)*

Модернизм в казахской и японской литературах: опыт сравнительного анализа

В статье осуществлен сопоставительный анализ истории развития модернистского романа в казахской и японской литературах. Своеобразие процесса развития модернизма в обеих странах был обусловлен состоянием и определенным этапом развития их национальных литератур в последней трети XIX века, знакомством с западной культурой, а также историческими событиями: начало эпохи модерна, трансформация традиционного образа жизни и уклада, процессы колонизации, войны и др. Таким образом, автор акцентирует внимание на историческом контексте и условиях формирования модернистской литературы в Казахстане и Японии. Значимость данной темы обусловлена тем обстоятельством, что проблема развития казахской модернистской литературы, которая была искусственно прервана в 1930-е годы, до сих пор остается не до конца исследованной. Кроме того, сравнительный анализ развития модернизма в казахской и японской литературах позволяет более четко увидеть зависимость развития литературного процесса от политического режима, социальных условий, цензуры.

Ключевые слова: модернизм, модернистский роман, казахская литература, японская литература, XX век, цензура, литературная борьба, колониализм.

Введение

В статье рассмотрен исторический контекст формирования казахского модернистского романа, обусловленного эпохой модерна, дан сравнительный анализ с развитием модернистских тенденций в японской литературе.

Актуальность работы определяется значимостью проблемы историко-литературного развития казахского романа XX века, когда казахские писатели осваивали европейские литературные традиции. Одной из причин этого является уничтожение в 1930-е годы творческого наследия репрессированных казахских писателей и поэтов.

Методы исследования

В статье использованы историко-типологический и компаративистский подходы, а также контекстуальный анализ, которые дали возможность продемонстрировать влияние исторических событий на развитие и состояние литературного процесса, а также обусловленность литературы от политической конъюнктуры. Кроме того, применен системный подход, обеспечивающий рассмотрение явлений в их целостности, что способствует выявлению разнообразных связей множества составляющих, раскрывающих обозначенную научную проблему.

* Автор-корреспондент. E-mail: mustoyanova2017@gmail.com

Материал исследования

Материалом исследования стала литературная ситуация в переломные моменты истории Казахстана и Японии. Основанием для сравнения развития модернистской литературы этих двух далеких друг от друга страны послужил тот факт, что примерно в один исторический период они совершили значимый рывок от прежнего патриархального состояния к модерну, причем этот процесс одинаково сопровождался влиянием западной культуры, процессом модернизации многих сфер жизни. Кроме того, на литературную ситуацию повлияли активная фаза колонизация Казахстана и, напротив, экспансия Японии в Китай и Корею, а также такие катаклизмы, как войны, революции, которые происходили в достаточно краткий период. Безусловно, начинаясь во многом одинаково, в дальнейшем историко-литературный контекст в этих странах имел специфические черты, что обусловило разные пути и результаты в развитии казахской и японской модернистской литературы.

В последней трети XIX века Япония и Казахстан оказываются вовлечены в мировые процессы, что обусловило распространение в них модернизационных проектов эпохи модерна. Они затронули не только политическое устройство, социальную трансформацию, смену идентичности, но и развитие культуры, в частности, литературы. В Японии эти процессы были запущены «открытием» страны в 1868 году (в начале эпохи Мэйдзи), а в Казахстане — активной фазой русской колонизации страны.

На рубеже XIX–XX веков молодые люди как в Японии, так и в Казахстане начинали получать европейское образование. Они становились проводниками европейской культуры и образования и выступали сторонниками модернизации своих стран. Следует отметить, что до этого периода и казахская, и японская литературы развивались и были представлены исключительно в национальных формах и жанрах: дастан, эпос-жыр, эпические и лиро-эпические поэмы, айтыс, толгау, арнау в Казахстане; и моногатари, танка, хокку и жанры национальных театров Кабуки, Бунраку, Но, Кёген в Японии.

В Японии уже в последней трети XIX века наблюдается мода и подражания европейской литературе, в большей степени, натурализм. В этот период появляются переводы западноевропейской литературы на японский язык и осуществляются переводы европейских, восточных и русских авторов на казахский язык (И. Алтынсарин, Ж. Аймауытов, М. Дулатов, М. Жумабаев и другие).

В начале XX века появляются оригинальные произведения японских и казахских писателей, чьи приемы были обогащены завоеваниями мировой литературы. Важным представляется тот факт, что происходит освоение новых жанров форм и создаются их национальные образцы. Так, Цубоути Сёё создает современную драму «Пилигрим» (1916), а Ж. Аймауытов в 1916–1917 годах пишет первые казахские драмы: «Рабиға», «Жебір болыс», «Қанапия–Шәрбану».

Японские и казахские осваивают жанры европейской литературы. В 1910 году М. Дулатов издает первый современный казахский роман «Бакытсыз Жамал». Роман был новаторским не только по форме, но и по содержанию, так как был посвящен проблеме женского неравноправия. Симптоматично, что в Японии новые романы также нередко были посвящены судьбе женщины, что становилось свидетельством модернизирующегося общества, отхода от патриархальных традиций. Это, например, во многом утопический роман Судо Нансуи «Дамы нового типа» (1887), в котором автор создает образ, как ему представляется, будущей эмансипированной японской женщины, борющейся за свои права. Важным представляется роман Арисима Такэо «Женщина» (1 часть была опубликована в 1911–1913 годах, заключительная — в 1919 году), в котором показаны перемены, уже произошедшие в самооценке и поведении японской женщины в 1910-е годы. Проблему женской эмансипации поднимает Кикиути Кан в романе «Портрет дамы с жемчугами» (1921) и Дзюнъитиро Танидаки в романе «Любовь глупца» (1924).

Трансформации подвергаются и поэтические формы. В японской поэзии происходит отход от традиционных форм (танка, хокку) и создается новый тип поэзии, основанный на принципах европейской традиции. Так, в Японии в 1882 г. выходит в свет сборник «Антология нового стиля», авторы которого Тояма Масакадзу, Ятабэ Рёкити, Иноуэ Тэцудзиро создавали так называемые «длинные стихотворения». Влияние европейской поэзии нашло отражение и в подборе тематики стихотворений.

В казахской поэзии начала XX века также наблюдается активное освоение приемов, жанров европейской поэзии. Так, например, в 1912 году был опубликован первый сборник стихотворений Магжана Жумабаева «Шолпан». Эта книга продемонстрировала, что в казахской литературе появился талантливый поэт новой формации, пишущий в русле современной европейской литературы. Как

показало время, он стал основателем новой казахской поэзии, привнес в нее сильное лирическое начало, поэтику символизма, экзистенциальные мотивы, разнообразив жанровые формы. Знание европейской литературы и переводы отдельных авторов на казахский язык позволили М. Жумабаеву освоить новые стили, жанры и формы стиха. Именно он создал первые казахские поэмы в европейском стиле «Қойлыбайдың қобызы», «Қорқыт» и др.

Модернизационные литературные процессы в Японии сопровождались борьбой, противостоянием разных школ: традиционалистов, апологетов натуралистической школы, эпигонов европейской литературы, неореалистов, позже — представителей модернистской, пролетарской и милитаристской литератур.

История развития казахской литературы первой трети XX века характеризуется не только мощным влиянием европейской литературы, собственно литературной борьбой, но и состоянием колониальной зависимости, в которой находился Казахстан. Эпоха модерна, принесенная в Казахстан колонизацией и продолженная советской властью, обусловила предпосылки появления принципиальной новой казахской литературы. Эта литература отвечала новым историческим обстоятельствам, вызовам нового времени, новому мироощущению человека. Безусловно, рассмотрение литературного процесса в контексте начавшейся в Степи эпохи модерна позволяет увидеть казахскую литературу в потоке общемировых тенденций в литературе первой трети XX века. Однако следует упомянуть те факторы, которые препятствовали развитию литературы и, в конечном итоге, во многом затормозили ее естественное развитие. Так, например, развитие в казахской литературе модернизма было насильственно прервано в результате идеологической борьбы советской власти.

Цензурным комитетом предпринимались меры для противодействия казахским просветителям, в действиях которых царская власть усматривала стремление через печать и литературу консолидировать казахов в противовес общерусским задачам и интересам. Как следствие, в Казахстане был учрежден надзор за книжной торговлей, созданы препятствия и ограничения на открытие типографий, журналов, газет.

Политическая система, идеология и культура взаимообусловлены, особенно в условиях империи или тоталитарного строя. В советский период была продолжена царская колониальная политика, направленная на культурную ассимиляцию казахов.

В 1921 году в Казахстане начал работу литературно-издательский отдел Главполитпросвета. Н.К. Крупская подписала инструкцию по изъятию контрреволюционной литературы из хранилищ и библиотек. Запрещенными оказались произведения казахских классиков Даулеткереев, Курмангазы, Суюнбая и других. Последствия этого шага для Казахстана были разрушительными для казахской литературы. Цензоры трудились «над искоренением вражьей литературы». Только за 5 месяцев 1923 года из библиотек и хранилищ в Казахстане изъято 41 тыс. экземпляров казахоязычной литературы. В 1927 году были изъяты многие художественные произведения казахских писателей первой трети XX века.

Значительный урон развитию казахской литературы нанесла дискриминационная политика по отношению к казахскому языку. И в 1929 году был осуществлен резкий перевод письменности казахов с арабской графики на латинскую. Арабская графика, которую использовали казахи, позволяла им читать любые тюркоязычные издания, в том числе и выходившие за рубежом, что советской властью считалось политически вредным. Эта внезапная, одномоментная смена графики позволяла большевикам оторвать казахов от огромного духовного наследия многих веков, зафиксированного в книгах с арабским шрифтом. В ответ образованные казахи стали переписывать на латиницу сохранившиеся и недавно созданные книги, чтобы следующие поколения могли их читать. Однако это не спасло положения по нескольким причинам.

Во-первых, спустя 10 лет после смены арабской графики на латиницу, в 1939 году был осуществлен перевод казахского языка на кириллицу. В результате двух подобных реформ казахской письменности в течение одного десятилетия казахи были искусственно оторваны от литературного наследия, которое ранее было накоплено народом, а также от литературы, созданной современными писателями на арабице и латинице.

Во-вторых, 9 июля 1937 года под грифом «Совершенно секретно» было разослано Решение ЦК КП (б) Казахстана в местные органы цензуры «Об изъятии алашордынской и националистической литературы». Иными словами, должно было быть изъято почти все, что было написано за более чем треть XX века образованной элитой Казахстана. В рамках следующего Постановления ЦК КП (б) Казахстана «Об изъятии враждебной литературы» от 28 мая 1938 года из библиотек, книгохранилищ,

торговой сети стали изыматься книги, авторы которых попали под жернова политических репрессий и были признаны «врагами народа». Написанные алашордынцами художественные произведения и учебная литература по большей части были изъяты при арестах, обысках, конфискации имущества, и потом пропали. Массовые изъятия книг происходили в Советском Союзе непрерывно до 1950-х годов. В 1950–1951 годах в Казахстане из библиотек было изъято 97 тысяч книг. Осталась преимущественно советская литература, написанная в русле соцреализма.

В-третьих, в 1930-е годы репрессиям и расстрелам подверглась почти вся казахская интеллигенция, имевшая высшее образование, владевшая несколькими языками (западными и восточными) и способная писать книги, осуществлять переводы.

Эти меры, вне всякого сомнения, нанесли невосполнимый урон казахской литературе, и почти на четыре десятилетия остановили развитие казахской модернистской литературы. Ее возрождение начнется лишь в 1960–1970-е годы.

Результаты и обсуждение

В развитии японской модернистской литературы значительную роль сыграл журнал «Сиракаба», основанный в 1910 году Арисима Такэо, Санзацу Мусякодзи, Наоя Сига и другими. Они ратовали за обновление литературы. Некоторые произведения авторов журнала и их прогрессивные взгляды вызвали подозрение и опасения властей, и, например, за А. Такэо была установлена слежка. Уже через десять лет начинают оформляться новые литературные движения модернистской направленности. В первую очередь, это неореалисты Акутагава Рюноскэ, Кикүти Кан и другие, которые противопоставили свое творчество натурализму в литературе, отстаивали стремление к изображению внутренней жизни человека, авторского отношения к действительности, глубоко анализа происходящего. Эти задачи, поставленные ими перед литературой, были обусловлены происходившими в стране переменами, поиском новых смыслов в стремительно меняющейся Японии. «Модернизм складывался в Японии в середине 20-х годов как реакция части художественной интеллигенции на грандиозные социальные потрясения нашего столетия. Невиданный прогресс техники, ломающей традиционный уклад жизни, катастрофа, вызванная великим землетрясением в Токио в 1923 году, революционные бури, охватившие всю страну, создавали настроение безысходности», — отмечал К. Рёхо [1; 82].

Неореализм в Японии был представлен двумя школами: «неосенсуалисты» и «новое искусство».

Теоретиком японского модернизма стал представитель неосенсуализма Риити Ёкомицу (1898–1947). В статье «О неосенсуализме» (1925) он утверждал, что познать действительность можно лишь через субъективные ощущения человека.

Хотя японские модернисты находились под влиянием европейского модернизма, они протестовали против копирования западных образцов, пересказа на японский манер западных сюжетов. Они призывали осваивать японскую действительность посредством приемов модернизма. Лучшие из них стали классиками японской литературы: Рюноскэ Акутагава, Дзюнъитиро Танидзаки, Ясунари Кавабата, Риити Ёкомицу. Их установки сводились к освоению новых художественных приемов, экспериментам, новому взгляду на место человека в освоении действительности. Так, в эссе «О чистом романе» Р. Ёкомицу говорит о приеме «четвертого лица», когда повествование ведется не от 1-го или 3-го лиц, а переходит от одного персонажа к другому, позволяя каждому выразить себя и свою позицию.

Кроме того, согласно неосенсуалистам, литература должна были отвечать духу времени — эпохе модерна, урбанизирующейся Японии.

Литературная борьба 1920-х годов была представлена противостоянием модернистской и пролетарской литературами. Идею творческой свободы и независимости искусства японские модернисты противопоставили идеологической литературе, пролетарской литературе, а также набравшей обороты литературе, сосредоточенной на изображении имперских и милитаристских устремлений Японии. Они искали новые формы, образительные приемы, жанры, техники письма для передачи кризисного сознания современного человека.

Пролетарская японская литература формировалась в рамках Социалистической лиги, объединившей в своих рядах три тысячи деятелей культуры. Они были вооружены идеями марксизма. Издававшиеся журналы «Сеятель» (с 1921 г.), «Литературный фронт» (с 1924 г.), а также Японская ассоциация пролетарской литературы призывали писателей создавать произведения, которые стали бы средством политической борьбы. В общественных дискуссиях поднимались вопросы о тесной взаимосвязи политики и литературы, о роли интеллигенции.

Р. Ёкомицу оппонировал пролетарским писателям, поскольку неосенсуалисты выступали на антиидеологизм литературы, за принцип «искусства для искусства», критиковали политизацию литературы.

Эта полемика и противостояние важны, поскольку аналогичные процессы будут происходить в казахском процессе 1920-х годов. И если в Японии модернистская литература сохраняла свое первенство, то в Казахстане она была уничтожена вследствие борьбы с большевистской литературой.

Несмотря на декларируемые задачи, остаться в стороне от событий, происходящих в Японии и мире, японским модернистам не удалось. Напомним, что после победы в русско-японской войне 1904–1905 гг. Япония получила на праве аренды значительную часть Южно-Маньчурской железной дороги, которая охранялась частями Квантунской армии. В 1925 году в Шанхае происходили митинги и забастовка как следствие конфликта между китайскими рабочими и японскими управляющими. Длившийся несколько месяцев конфликт завершился расстрелом студентов, которые выступали против засилья иностранцев и выдвигали антизападные, по сути, антиколониальные лозунги. В ответ стачечное движение охватило Гонконг, Ханькоу, Циндао, Тяньцзинь и другие китайские города, вылившись в восстание 1925–1927 годов. Япония стремительно милитаризировалась, что привело к захвату Маньчжурии, второй японо-китайской войне, а затем к участию на стороне Германии во Второй мировой войне, Тихоокеанской войне, к Хиросиме и Нагасаки и, наконец, поражению Японии.

Т.П. Григорьева отмечает: «Не ожидая ничего хорошего от действительности, писатели-модернисты стремились уйти от неё в мир чистого искусства, находя особое удовольствие в поисках художественного “выражения ради самого выражения”» [2; 226]. Однако оставаться безучастным для писателей становилось все сложнее. По следам шанхайских событий, произошедших 30 мая 1925 года, Р. Ёкомицу написал роман «Шанхай», который публиковался в журнале с 1928 по 1931 годы. Он стал одним из первых японских модернистских романов. В нем автор реализовал свои творческие задачи, но не избежал выражения своей политической оценки к той роли, которую играли японский империализм в колонизации Китая. Повествование о японцах, живущих в Шанхае в период рабочих забастовок, о мнении китайки о колониальной, расовой политике японских имперцев обнажили, что сочувственные взгляды Р. Ёкомицу по отношению к колониальному господству японцев. Его позиция привела к тому, что в годы Второй мировой войны он поддержал милитаристскую политику Японии и сотрудничал с Литературным обществом служения родине.

Другой представитель модернизма Наоя Сига (1883–1971) в романе «Путь в ночном мраке», а которым он начал работать в 1921 году и завершил в 1937 году, отразил растерянность своего поколения и, в частности, авторов-модернистов в условиях социальных, политических потрясений.

К 1923 году намечается отход от западного влияния модерниста Дзюнъитиро Танидзаки и его обращение к японской эстетике. В том же году совершили двойное самоубийство Такэо Арисима и в 1927 году покончил с собой Акутагава Рюноске. Отход ряда модернистов от прежних творческих установок или добровольный уход из жизни стал свидетельством духовного поражения писателей-модернистов, так и не принявших новую эпоху, которую, казалось бы, призваны были художественно отображать. Причина заключалась не в собственно модернизации Японии, которую они приветствовали, а в том, куда, к каким результатам она привела, — колониальным захватам, духу милитаризма, идеологии империализма.

Внешняя политика Японии, направленная на колониальные захваты, наступившая внутри страны реакция привели к «эпохе мрака». Модернистам нечего было противопоставить пропаганде милитаризма, имперским идеям, идеологическому контролю над культурой.

Постепенно вчерашние японские модернисты расходились в разные стороны, чаще всего, пополняя ряды создателей массовой литературы: Сасаки Мицудзо, Кикиути Кан, Кумэ Масао. Другие на время оказывались в «левом» лагере. Так, Катаока Тэппэй, разорвав отношения с неосенсуалистами, присоединился к движению «Пролетарская литература», после ареста в 1932 году за пропаганду коммунистических взглядов отрекся от них и стал писать бульварные романы. Третьи стали сотрудничать с японским милитаристским режимом.

Ясунари Кавабата, чье творчество достигнет вершины в послевоенное время, на рубеже 1920–1930-х годов продолжал писать романы в русле модернизма. В «Девушках из Асакуса» он повествует о жизни квартала развлечений в Токио. Несколько размытая сюжетная линия романа, фрагментарность повествования, образ Токио и жизнь героев в болезненном, ночном мире города вывели этот роман в число популярных модернистских романов. В 1931 году в рассказе «Кристаллическая фанта-

зия» Я. Кавабата, используя прием «потока сознания», создает повествование о жизни женщины, собранное из фрагментов ее воспоминаний.

История отношений эстета и гейши в романе Я. Кавабата «Снежная страна» (1935–1937), события которого разворачиваются в тихом, провинциальном городке в горах. Я. Кавабата сознательно уходит от обращения к актуальным проблемам и сосредоточивается в мире чувств героев. Писатель умело подменял описание чувств их визуальным проявлением, используя кинематографические приемы, словно приближая или отдаляя камеру.

В отличие от ряда европейских собратьев по перу, японские модернисты, находясь в модернизирующейся и одновременно с этим милитаризирующейся стране, не смогли найти ответов на экзистенциальные вопросы, создать новые смыслы, дать читателям нравственные ориентиры взамен уходящих, связанных с прежней патриархальной Японией. Многие из них так и не смогли принять происходящих перемен, хотя и ставили перед собой задачу изобразить, интерпретировать наступившую в Японии эпоху модерна. Так завершился первый этап модернизма в японской литературе.

Процесс модернизации казахской литературы происходил в условиях сложных процессов: усиливающейся колонизации, нового этапа антиколониальной борьбы, установления советской власти и идеологического противостояния, коллективизации, насильственной седентаризации казахов, дважды проведенной в течение одного десятилетия смены алфавита.

Ж. Жарылгапов пишет: «Модернизм во времена глубочайших противоречий в обществе, когда духовный и культурный упадок, кризисы в сознании берут верх, проявляется в поиске новых ценностей как ответная реакция на происходящее. В казахской прозе он появился в начале XX века» [3; 244]. Эпоха модерна, наступившая в Степи параллельно с активной фазой колонизации, а затем установления советской власти, вызвала трансформацию литературного процесса в Казахстане. Новое время требовало не только осмысления происходящего, рефлексии, но и создания новых смыслов, новых форм и приемов художественной изобразительности. Одновременно шло освоение европейских жанров литературы, в том числе посредством переводов на казахский язык французских, немецких, английских, русских писателей и поэтов XIX–XX веков.

Так, Мыржакып Дулатов (1885–1935) издает сборник стихотворений антиколониальной направленности «Оян, казак!» (1909), поэму «Азамат» (1913), пьесу «Балқия» (1922). В 1912 году вышел в свет первый сборник стихотворений Магжана Жумабаева (1893–1938) «Шолпан». Этот сборник продемонстрировал, что в казахской литературе появился талантливый поэт новой формации, пишущий в русле современной европейской литературы. Он привнес в казахскую поэзию сильное лирическое начало, поэтику символизма, экзистенциальные мотивы, а также разнообразил жанровые формы. М. Жумабаев переводил Гете, Гейне, Жуковского, Фета и других. Знание европейской литературы и переводы отдельных авторов на казахский язык позволили Магжану Жумабаеву освоить новые стили, жанры и формы стиха. Именно он создал первые казахские поэмы в европейском стиле «Қойлыбайдың қобызы», «Қорқыт». Писал не только лирическую поэзию, но и исторические поэмы («Батыр Баян»).

Жусипбек Аймауытов (1889–1931) являлся одним из основоположников не только современной казахской литературы и литературной критики, но и теории перевода в казахской литературе. Ж. Аймауытов писал стихи, романы («Қартқожа», «Ақбилек»), повесть («Вина Куникей»), пьесы («Рабига», «Шернияз», «Карьеристы», «Канапия и Шарбану», «Защитник народа», а также переводил В. Гюго, А. Дюма, У. Шекспира, Д. Лондона, Р. Тагора, Н. Гоголя, А. Пушкина, Л. Толстого и других.

Новаторство Ж. Аймауытова состоит в том, что он явился основоположником современной казахской драмы и создателем первых казахских модернистских романов «Қартқожа» (1926) и «Ақбилек» (1927). Эти романы представляют интерес не только благодаря художественному мастерству автора, но и изображению происходивших в 1920-е годы изменений в казахском менталитете, ломки традиционного быта, морали, зарождения городской прослойки из числа вчерашних жителей аула. Не осталось вне внимания автора и то, как отдельный человек переживал эпохальные исторические события. А. Исмакова пишет о модернистских романах Ж. Аймауытова: «Перед нами другая плоскость — мир разрушенных ценностей и выработка новых, пока еще неясно каких... Эти эпохальные события пропущены через восприятие Ақбилек и Қартқожи, отсюда необыкновенный лирический психологизм этой прозы: личные ощущения разных ситуаций, личные беды и частные рефлексии. Им не до громких лозунгов и патриотических деклараций! Им бы жизнь осмыслить...» [4; 221].

В своей программной статье «О поэзии Магжана» Ж. Аймауытов отмечает, что творчество писателя, поэта обусловлено временем, обществом и принадлежностью к определенному народу, его судьбе. Следовательно, основной задачей для казахских модернистов стало изображение переживаемого народом сложного исторического периода, который потряс основы социального устройства, заставил человека вновь искать себя, точки опоры, определять систему ценностных координат. И в этот период именно кризисное сознание человека становится наиболее важным для художника слова. А. Утяев и Ж. Жарылғапов отмечают, что «модернисты рассматривали свою эпоху как период крупных исторических изменений и коренных перемен; ...изменение сознания и связь подобных ситуаций жизненных явлений... имели особое значение для модернистов» [5; 58]. Еще: «...в модернистской эстетике любые изменения принимались как социальная катастрофа, ... при которой нововведения разрушают устоявшийся порядок... Люди покидают свои привычные места и ищут новую жизнь. Эти перемены коренным образом меняют социальный и эмпирический опыт, чувства и мировоззрение людей» [5; 56].

В своих модернистских романах Ж. Аймауытов фиксирует опыт внутреннего переживания и осмысления героями исторических катаклизмов периода гражданской войны, установления советской власти. Однако авторская интерпретация событий, рефлексия героев вызывали критику и неприятие со стороны идеологов новой власти, и в условиях ужесточающейся идеологической борьбы писатели-модернисты первыми попали под жернова репрессий.

Уже в начале 1920-х годов большевики задаются целью — поставить под контроль идеологию, цензурировать литературу. А. Жумадил и М. Жумадил отмечают: «Хотя управление партии большевиков с самого начала пробовало подчинить себе всю идеологическую жизнь страны, но в 20-е годы еще не была выработана и отработана «методика» такового подчинения. Борьба партии за перевоплощение искусства в инструмент политической системы еще не обрела свои четкие формы в 20-е годы... На I Всероссийском съезде пролетарских писателей в Москве в октябре 1920 года был учрежден Всероссийский союз пролетарских писателей... к предстоящему Съезду наметило следующие вопросы, разрешение которых имеет первостепенное значение: 1. Текущий момент и задачи пролетарской литературы. 2. Пролетарская литература и её отношение к прошедшим и современным течениям в искусстве. 3. Пути пролетарской литературы...» [6; 6].

До середины 1920-х годов все еще оставалась возможность писать свободно, не был учрежден метод соцреализма как единственно правильный и допустимый в советской стране. Однако ситуация на литературной арене стремительно менялась, и в противостояние литературных школ и направлений вмешалась сильная рука партии.

«12 июня 1925 г. Секретариат Казахского краевого комитета РКП (б) принял решение о создании Ассоциации казахских пролетарских писателей (КазАПП)... 18 июня 1925 года ЦК РКП (б) воспринимает Резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». В этом документе утверждается, что страна вступила в период культурной революции. Культурная революция по отношению к литературе понимается как развитие «новой литературы — пролетарской и фермерской в первую очередь». Подчеркивается значение классовой борьбы в литературе: «как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...»... Литература практически провозглашается орудием идеологической борьбы...» [6; 7].

Большевики задались целью создать пролетарскую литературу, целями которой должно было стать изображение классовой борьбы и продвижение идеологии большевизма. Одними из первых жертв сталинских репрессий стали Мыржакып Дулатов, Жусипбек Аймауытов, Магжан Жумабаев. Они вступили в полемику и стремились отстоять творческую свободу.

М. Жумабаев выступил инициатором создания литературного объединения казахских писателей «Алка» (1921). Этому проекту не суждено было реализоваться, поскольку большевиками он был признан проявлением национализма, прикрытием для подпольной деятельности, направленной на вредительство советскому строю.

Магжан Жумабаев возражал против выполнения литераторами пропагандистских функций, сопротивлялся навязываемому писателям соцреализму. Он подвергся травле за свои взгляды. В 1924 году в Оренбурге был устроен «литературный суд» над Магжаном Жумабаевым и его сборником «Стихотворения» (поэта не пригласили). Его обвиняли в субъективности и восхвалении байского прошлого, национализме и пантюркизме. Собрание вынесло следующее Постановление: «1. Жумабаев должен быть признан врагом казахского народа, и наряду с этим врагом Советской

власти, которая является защитником казахского народа. 2. Необходимо просить правительство об изъятии из читательской аудитории всех его произведений. 3. Не допускать в дальнейшем публикацию в советских издательствах произведений Жумабаева» [7; 561, 562]. Следует напомнить, что в следующий раз сборник стихотворений Магжана Жумабаева отдельным изданием выйдет только в 1989 году, спустя 65 лет после «литературного суда» над ним. В ответ М. Жумабаев, будучи на тот период студентом Литературного института, написал творческий манифест «Табалдырык» (1925), где изложил свое понимание роли литературы в условиях модернизации общества. Ориентируясь на западноевропейскую литературу, поэт считал, что в литературе не должно быть запретных тем, и она не может быть ограничена одним художественным методом — социалистическим реализмом.

Более того М. Жумабаев полагал, что литература не обязана служить революции, должна воздерживаться от лозунгов и деклараций. Он размышлял о недавней и современной казахской литературе и задачах, стоящих перед ней: «Былые подвиги воспевались не для того, чтобы возродить прошлое в том же виде, а для того, чтобы создать новую жизнь, новые мечты... И вот, когда наша литература находилась в таком положении, грянула новая большая революция... Переживаемая нами великая революция — родилась не из нашей собственной истории и не является революцией нам знакомой, имеющей отношение к нашей истории, это революция, рожденная Европейской историей, чуждая нам революция. По этой причине наша литература в первое время ничего о ней не сочиняла... Нашей литературе не присущи революционные мотивы, и некоторые туповатые попытки откликнуться на нее говорят о полном ее непонимании» [7; 576–578].

И Ахмет Байтурсынов в статье 1919 года «Революция и казахи» [8] писал о чуждости русской революции казахам и утверждал мысль о том, что у казахов нет деления на классы и, следовательно, классовой борьбы, которую, по мнению большевиков, непременно следовало изображать в литературе.

Однако советская власть намерена была заставить поэтов и писателей писать о ней, восхвалять ее. Будут заставлять писать о революции, классовой борьбе и М. Жумабаева. Жусыпбек Аймауытов в своей статье «О поэзии Магжана» объяснял, что М. Жумабаева нельзя оценивать с точки зрения его позиции в классовой борьбе. Его, настоящего поэта, интересует не столько злободневное, сколько вечное: «Это поэт тонких чувств, сладкой мечты, он не поэт бедняков, он поэт национальный... Он мыслит в национальных масштабах. Он тюркист, мыслитель, индивидуалист... Но с позитивной точки зрения он лирик, он художник, мыслитель, мастер слова, орнаменталист, романтик, проводник культуры, поэт, выступающий против колониализма, против насилия...» [9; 171].

Ж. Аймауытов поднимал вопросы развития современной казахской литературы. Важна его оценка казахской литературы и той картины литературной борьбы, которую он наблюдал в 1920-е годы. В одном из писем, говоря об отечественной литературе, он отмечает, что «национальная честь и совесть, судьба, содержание его (народа. — А.М.) души — главное содержание художественности. Классовым образом литература не создается... Особенно в жизни казахов трудно разделить их на классы, различить трудно. У всех казахов общая судьба» [7; 548].

Оспаривая тезис Плеханова о принадлежности поэтов к тому или иному классу, Ж. Аймауытов справедливо задается вопросами: «...почему казахские поэты попали в классовые рамки? Почему они должны быть байскими, почему они должны быть религиозными?... До революции, до переворота простой бедняк Сабит Донентаев и Беймбет считались национальными писателями, и теперь вдруг они заявили, что они бедняцкие писатели, неужели они стали писателями с классовой принадлежностью?... Разве отличается по цвету красота литературы?» [7; 549].

В 1925 году, в разгар дискуссий о пролетарской литературе, Ж. Аймауытов заявил, что ратующие за связь литературы с политикой, обрекает литературу на односторонность, обеднение и тенденциозность.

Подобная критика и оценка классового характера литературы Ж. Аймауытова расценивались как враждебная, направленная на извращение марксистской теории. С критической статьей «Что утверждают марксисты и что высказывает Жусупбек о художественной литературе?», опубликованной в газете «Еңбекші қазақ», выступил Г. Тогжанов. Критик высказал мысль о том, что писатель должен отражать классовую сущность общественной деятельности людей. В ответ на то, что Жусупбек Аймауытов назвал М. Жумабаева «национальным поэтом кочевой эпохи», Г. Тогжанов писал, что М. Жумабаев отстаивает интересы казахского байства, его печаль и тоску по прошлому и страх перед будущим. Однако творчество казахских модернистов было направлено именно на осмысление настоящего, происходящих социальных изменений сквозь призму сознания персонажей. Радикальная ломка прежнего жизненного уклада обусловила их растерянность, объективную негативную оценку

современных им событий, выраженного в слове, казалось, незыблемых ценностей в период войны, Ашаршылыка 1920-х годов, практики военного коммунизма. Именно это во многом критическое отображение действительности и вызывало неприятие большевистских идеологов, требовавших прославления советской власти и ее политики. Большевики ратовали за литературу, зовущую к революционной борьбе, оправдывающую любые жертвы, террор, насилие во имя коммунистического будущего. Именно этого не могли дать казахские модернисты.

А. Байтурсынов, М. Дулатов и другие казахские просветители, писатели, поэты выступили против смены в 1929 году арабской графики на латиницу, считая языковую реформу инструментом разрыва связи народа с его литературой и письменной историей. Они справедливо опасались, что смена алфавита положит начало потере богатства и уникальности родного языка, что в дальнейшем и произошло. Проведенная большевиками спустя 10 лет вторая смена графики — с латиницы на кириллицу — разорвала преемственность казахской литературы. И если после 1929 года еще были те, кто переписывал книги с арабицы на латиницу, то в 1939 года после уничтожения казахской интеллигенции в период Большого террора 1937–1938 гг. уже некому было передать накопленный багаж последующим поколениям. Если учесть, что в течение 1920–1950-х годов проводился библиоцид, осуществлялись цензура, изъятие частных библиотек и писательских архивов, то становятся очевидными масштабы катастрофы, постигнувшей казахскую литературу вообще и модернистскую в частности.

В мае 1929 года Ж. Аймауытов был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Во время обыска были конфискованы его рукописи — 33 общие толстые тетради, впоследствии пропавшие. Еще одно обвинение было основано на истории 1921 года, когда Ж. Аймауытов вместе с М. Жумабаевым собирались организовать объединение казахских писателей «Алка». На допросе Ж. Аймауытов рассказал о целях литературного сообщества «Алка»: «Все согласились, что участники кружка должны будут писать произведения на основе платформы, созвать свой съезд и обсудить литературные вопросы, так как казахская литература очень молода и бедна. В общем, задача кружка должна была сводиться к тому, чтобы содействовать развитию казахской литературы» [10; 375]. Жусипбек Аймауытов был расстрелян 21 апреля 1931 года. После расстрела Жусипбека Аймауытова все его произведения были запрещены и уничтожены. Казахская культура лишилась талантливого писателя, и на годы было остановлено развитие отечественного модернистского романа.

Мыржакып Дулатов был арестован органами НКВД 29 декабря 1928 года. Его обвинили в нелегальной деятельности по возрождению буржуазно-националистического движения. В 1930 году он был приговорен к расстрелу, который заменили 10-ю годами ссылки на Соловки. Там 5 октября 1935 года Мыржакып Дулатов скончался в лагерьном лазарете.

В 1929 году был арестован и Магжан Жумабаев. Его обвинили в пантюризме, в шпионской деятельности в пользу японцев и осудили на 10 лет ссылки в печально знаменитый СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), созданный для перевоспитания особо опасных политических и уголовных преступников. В 1935(36) году при поддержке М. Горького и Е. Пешковой был досрочно освобожден из лагеря для политзаключенных. Как оказалось, на свою беду. Он будет расстрелян до окончания срока этой ссылки. После ссылки ему сложно было получить работу. Едва устроившись учителем, он был уволен из средней школы в Петропавловске. Другой работы ему не давали на основании «общих политических причин». М. Жумабаев, потеряв работу, остался без средств к существованию и в сентябре 1936 года вынужден был обратиться к С. Муканову с просьбой принять в члены Союза писателей, чтобы получить работу. С. Муканов ответил: «В Союз принимаются те лица, которые своим писательским пером служат советской литературе... пока из-под вашего пера не выйдут художественные произведения нового типа, пока они не будут опубликованы, принять Вас в Союз писателей не позволяет Устав. ...Когда мы встречались в Кызылжаре, я же вам сказал: приступить к активной работе, служить советской литературе — все в ваших силах» [7; 586].

В марте 1937 года М. Жумабаев приехал в Алма-Ату. С ним заключили договор на выполнение переводов и выплатили аванс. В мае он написал открытое письмо на имя Исаева, в котором говорил о планах создать поэму о «единственно правильной в мире советской исправительно-трудовой политике», о не поддавшихся и поддающихся исправлению персонажах. Эту поэму он так и не написал. Вероятно, не смог. Уже 30 декабря 1937 года Магжана Жумабаева вновь арестовали. 19 марта 1938 года Магжан он был расстрелян как «враг народа». Спустя годы Госархив Омской области ответил, что сведений о принадлежности к органам японской разведки Магжана Жумабаева не имеется.

Так, первый этап модернизма в казахской литературе был насильственно прерван политическими репрессиями, обусловленными идеологической борьбой, а его представители казнены.

Казахским модернистам не позволили разобраться в происходящей действительности, отразить опыт переломной эпохи, показать внутренний мир и кризисное сознание человека в период исторического надлома, смены ценностных ориентиров, насильственной седентаризации казахов. Так, колонизация, дискриминация казахов, восстание 1916 года, Ашаршылык, коллективизация, седентаризация казахов, массовые политические репрессии долгое время не становились предметом рефлексии, оценки кардинальной социальной, ментальной, ценностной трансформации. Самые трагические события в жизни народа не стали предметом осмысления, выражения и оформления в художественной форме. То есть именно модернисты могли дать рефлексию, но этого не произошло, все было заменено, заглушено фанфарами соцреализма, повествующего о победах, завоеваниях, индустриализации, создании колхозов и т.п.

А.К. Жумадил, М.Т. Жумадил отмечают: «Таким образом, 30-е годы в СССР в целом и, конечно, в Казахстане явились решающим поворотом в сторону тоталитарной культуры: 1. Был полностью отстроен аппарат управления искусством и контроля над ним. 2. Обрела окончательную формулировку догма тоталитарного искусства — социалистический реализм. 3. Была объявлена война на уничтожение всем художественным стилям, формам, тенденциям, отличающимся от официальной догмы» [6; 29].

Второй этап в развитии модернистской литературы в Японии и Казахстане складывался в разных исторических обстоятельствах.

История новейшей истории японской литературы начинается в послевоенное время. В эти годы многие писатели находились в состоянии растерянности и неуверенности: о чем писать, как формировать этические и эстетические ценности японцев, потерявших привычные идеологические ориентиры. Настроения упадка во многом было определено крахом прежних представлений о мире, о непобедимости «духа Ямато», а также шоком после выступления по радио императора Хирохито с речью об отречении от факта своего божественного происхождения, и, наконец, неверием в возможность возрождения страны.

Поражение Японии во Второй мировой войне оказало глубокое влияние на японскую литературу. Ведущей темой произведений многих авторов стало разочарование, смирение с поражением, а затем поиск новых смыслообразующих и объединяющих целей. Литература страны, пережившей разгул милитаризма, крушение устоев духовной жизни, оказалась в экзистенциальном кризисе, занялась поиском человеческого «я», казалось бы, навсегда затерянного в разверзшейся пропасти потрясений XX века.

В произведениях японских романистов второй половины XX века выражено мировосприятие людей сложной общественно-исторической эпохи, отмеченной множеством масштабных событий. Это вторая мировая война и военные действия в тихоокеанском регионе, принесшие Японии окончательное поражение; атомные бомбежки Хиросимы и Нагасаки, ставшие трагедией Японии на долгие годы; крушение императорской системы и связанной с ней идеологией; пикеты молодежи у заграждений американских военно-морских баз в знак протеста против захода в японские порты американских атомных подлодок. И, наконец, невиданные темпы технического развития и в связи с этим изменение психологии человека в условиях индустриальной цивилизации.

Однако постепенно жизнь восстанавливалась, а вместе с этим возвращалась и насущная необходимость в осознание недавнего прошлого страны, в создании некоей объединяющей народ идеи, что способствовало возрождению литературы. В начале 1947 года возобновляет свою деятельность японский Пэн-клуб, основанный в 1921 году.

Японский модернистский роман был представлен творчеством таких авторов, как Кобо Абэ, Кэндзабуро Оэ и другими. Это поколение писателей несло на себе все психологические последствия войны. На юность и молодость этого поколения пришелся период безвременья, отсутствия национальной идеологии, краха прежних ценностей и, наконец, мощный экономический подъем, сопровождавшийся углублением бездуховности и тотального одиночества человека. Отсюда в произведениях этих авторов и поиск философского и этического идеалов, и тревога за человека, его физическое и моральное сохранение.

В конце 1940-х годов образовалась группа «Сэнго-ха» («Послевоенная»), члены которой выступают за возрождение литературы, свободной от социальных задач. Писатели этой группы продолжают подражать европейским модернистам, обращаясь к находящей у читателя горячий отклик теме

отчаяния, ощущения конца. Однако следует отметить, что молодые модернисты (К. Абэ, С. Накамура), освободившись от слепого копирования образцов, создают оригинальные произведения, используя завоевания европейского модернизма и обращаясь к актуальным проблемам современности.

В творчестве японских писателей второй половины XX века происходят поиски новых форм, приемов и средств самовыражения, раскрытия внутреннего мира писателя и психологии современников. Долгий путь ломки традиционных форм образности и вхождение в мировое литературное пространство завершились в послевоенный период и явили миру оригинальную литературу, органичный сплав достижений как национальной японской, так и современной мировой литературы. В 1950–1960-е годы японский роман получает мировое признание, что позволяет японским критикам заговорить об «эпохе японского романа».

Вторая волна модернизма в казахской литературе произошла в 1960-е годы как отклик на духовный кризис после тоталитаризма, ВМВ, на фоне культурной ассимиляции, маргинализации казахской культуры и языка. Хрущевская оттепель (середина 1950-х–середина 1960-х гг.) выразилась в массовом закрытии казахских школ и стремительной русификации не только казахов, но и проживающих в республике представителей других этносов. Как реакция на эти процессы появляются произведения писателей, в чьем творчестве находит выражение кризисное сознание современников. Казахская литература второй половины XX века представлена целой плеядой модернистов: Ш. Муртаза, А. Кекильбаев, М. Магауин, С. Елубай, О. Бокей, Д. Исабеков, А. Тарази, Д. Досжан, Р. Сейсенбаев и другие. Ж. Жарылгапов отмечает: «Писатели нового поколения поспешили заполнить вакуум, образовавшийся в связи с кризисом соцреализма. В наступившее время эстетика, основанная на соцреализме, положениях марксизма-ленинизма, не могла дать ответ на запросы писателей, целью которых было распространение в литературе другой духовности» [3; 245].

Произведения названных авторов — это художественное обращение к ранее замалчиваемым фактам истории и к фольклорной традиции, изображение философии жизни и трагедийности бытия подвергшегося насильственной седентаризации кочевника, освещение проблемы русификации и утраты национальных корней, показ трансформации уклада жизни казахов и их выживания при советской власти, жизнь казахов в период Второй мировой войны и полувекových ядерных взрывов, отражение процесса исчезновения аула и возрастания экологических угроз. Основным для названных писателей является взгляд на происходящее сквозь призму отдельного взятого человека, его переживание исторических бурь и стремительной социальной трансформации, которые выпали на долю всех без исключения поколений казахов XX века.

Д. Амантай пишет о модернистских тенденциях в произведениях казахских писателей, вошедших в литературу в 1960-е годы: «Но лёгкий налёт модернизма не стал причиной тектонических и структурных изменений, поэтому модернизм казахских шестидесятников был мягким и комфортным, не сопротивлялся традиционному письму... Отсутствие масштабных изменений не предполагало структурной реформы литературных текстов, речи и культуры письма. Мягкий модернизм казахских писателей до сих пор существует в рамках классического понимания литературы» [11].

Позволим себе не согласиться с тезисами Д. Амантая. Безусловно, уже в 1960-е годы были заметны те масштабные изменения в жизни казахов, которые как раз и стали предметом осмысления: маргинализация казахского аула; потеря языка и культуры; ментальный слом как следствие насильственной культурной ассимиляции; вытеснение казахов из городов на периферию, мало затронутую благами цивилизации; экологические проблемы (ядерные испытания, проблема Арала и др.). Именно эти ранее невиданные социальные процессы, происходящие с казахами, и обусловили поиск нового художественного языка и изобразительных средств, реформу литературных форм.

Казахские модернисты искали ответы на «вечные» вопросы в новых социальных условиях, когда шла речь о сохранении нации в условиях тоталитаризма и колонизации. Подобные проблемы не стояли ни перед европейскими, ни перед японскими модернистами. Неспособность соцреализма отображать подобные явления, маргинальное сознание, исключительное существование, сложный микс мышления человека, все еще сохраняющего ментальность номада и неразрывно связанного с природой, и «советского человека» (но маргинализованного в условиях доминирующей русской культуры, что предполагало его отстраненность, положение «постороннего», аутсайдера), предопределили новаторство и породили новую образность казахских модернистов. Новое сознание человека и восприятие себя, мира, общества порождали новые формы их выражения. Отсюда и язык мифа, позволяющего словно заново создавать мир и индивидуальный космос человека, наполнять новой семантикой

прежние архетипы, передавать хрупкость и мимолетность полной трагизма человеческой жизни на фоне исторических бурь и абсурдности бытия.

Письмо казахских модернистов было по-настоящему новаторским уже потому, что они осваивали новый тип (европейский) повествования, отличный от традиционного казахского. А модернизм казахских шестидесятников был обусловлен отходом от соцреализма и возвратом и продолжением казахского модернизму, развитие которого было искусственно прервано репрессиями против казахских писателей и поэтов 1910–1920-х годов.

Новаторство европейского модернизма было обусловлено отказом от прежних жанровых форм, языковых средств, художественных приемов, представленных в национальных европейских литературах (реализм, натурализм). В случае с японской и казахской литературами подобное новаторство было предопределено не только освоением и успешным использованием завоеваний европейских модернистов, но и отходом от национальной литературной традиции.

Следует добавить, что в 1980-е годы происходит процесс возвращения творческого наследия репрессированных в 1930-е годы казахских модернистских поэтов и писателей.

Выводы

Две волны модернизма в японской и казахской литературах пришлось на 1910–1930-е годы и затем на послевоенные годы (1960–1970-е).

Если писатели первой волны осваивали приемы, формы, жанры европейского модернизма, то представители второй волны уже органически соединяли европейский модернизм и национальное своеобразие, что делало их модернизм не привнесённым, а естественным, гармоничным.

В отличие от европейского модернизма, обусловленного научно-техническим прогрессом эпохи модерна, духовным кризисом (смерть Бога), модернизм в Японии и Казахстане складывался в условиях радикальной трансформации традиционного мира и социальной ломки, «открытия» западной цивилизации, колонизации (Казахстан) и экспансии (Япония), стремительной и насильственной смены моральных и идеологических ценностных ориентиров.

Модернизм в казахской и японской литературах складывался в условиях политического противостояния и идеологической борьбы, репрессий. Развитие модернизма было прервано в Казахстане физическим уничтожением первых модернистов, в Японии — их отстранением в милитаризирующейся стране.

Возрождение модернистских тенденций в японской и казахской литературах послевоенного времени было связано с изменением сознания человека, восприятием им окружающего мира и своего места в нем. Контекст был разным, но одинаково требовал переосмысления, рефлексии, новаторского художественного выражения.

Список литературы

- 1 Рёхо К. Современный японский роман / К. Рёхо. — М.: Наука, 1977. — 304 с.
- 2 Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный: [В 2-х т.]. / Т.П. Григорьева. — Т. 2. Японская литература XX века (традиции и современность). — М.: Альфа-М, 2005. — 416 с.
- 3 Жарылғапов Ж.Ж. Қазақ прозасы: ағымдар мен әдістер: монография / Ж.Ж. Жарылғапов. — Қарағанды: «Гласир» ЖШС, 2009. — 284 б.
- 4 Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность) / А.С. Исмакова. — Алматы: Ғылым, 1998. — 394 с.
- 5 Утяев А.Ф. Модернизм хақындағы теориялық дискурстар / А.Ф. Утяев, Ж.Ж. Жарылғапов // Қарағанды университетінің хабаршысы. Филология сериясы. — 2018. — № 31(89). — Б. 54–59.
- 6 Жумадил А.К. Культурные процессы в Казахстане в 20–30-е годы XX века: учеб.-метод. пос. для вузов / А.К. Жумадил, М.Т. Жумадил. — Алматы, 2018 — 137 с.
- 7 Жұртбай Т. Боль моя, гордость моя — Алаш!: трилогия / Т. Жұртбай; пер. О. Жанайдарова. — Астана: Аударма, 2016. — 1104 с.
- 8 Байтұрсынов А. Революция и казахи / А. Байтұрсынов // Жизнь национальностей. — 1919. — № 29 (37).
- 9 Аймауытов Ж. О поэзии Мағжана Жумабаева (доклад, прочитанный перед студентами Ташкентского университета в 1923 г.) / Ж. Аймауытов // Собрание сочинений: [В 5-ти т.]. — Т. 5. — Алматы: Ғылым, 1999. — 301 с.
- 10 Движение Алаш: сб. материалов судебных процессов над алашевцами: [В 3-х т.]. — Т. 1: Документы, допросы и ответы. Синхронные переводы. Материалы судов. Конфискованные письма. — Алматы: ФФ «Ел-шежіре», 2011. — 415 с.

А.Т. Мустояпова

Қазақ және жапон әдебиетіндегі модернизм: салыстырмалы талдау тәжірибесі

Мақалада қазақ және жапон әдебиетіндегі модернистік романның даму тарихына талдау жасалған. Екі елдегі модернизмнің даму ерекшелігі олардың ұлттық әдебиеттерінің XIX ғасырдың соңғы үшінші кезеңіндегі даму жағдайы мен белгілі кезеңіне, батыс мәдениеті мен тарихи оқиғаларымен: модерн дәуірінің басында, дәстүрлі өмір салты мен тұрмыс-тіршілігінің өзгеруі, отарлау процестері, соғыстар және т.б. байланысты болды. Осылайша автор Қазақстандағы және Жапониядағы модернистік әдебиеттің қалыптасу және тарихи жағдайларына тоқталады. Бұл тақырыптың маңыздылығы — 1930 жылдары жасанды түрде тоқтатылған қазақ модернистік әдебиетінің даму мәселесінің әлі де болса толық зерттелмегендігінде. Сонымен қатар қазақ және жапон әдебиетіндегі модернизмнің дамуын салыстырмалы талдау әдеби процестің дамуының саяси режимге, әлеуметтік жағдайларға, цензураға тәуелділігін нақтырақ көруге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: модернизм, модернистік роман, қазақ әдебиеті, жапон әдебиеті, XX ғасыр, цензура, әдеби күрес, отаршылдық.

A.T. Mustoyapova

Modernism in Kazakh and Japanese Literatures: the experience of comparative analysis

The article provides a comparative analysis of the history of the development of the modernist novel in the Kazakh and Japanese literatures. The peculiarity of the development of modernism in both countries was due to the state and a certain stage in the development of their national literatures in the last third of the XIX century, familiarity with Western culture, as well as historical events: the beginning of the modern era, the transformation of the traditional way of life and way of life, the processes of colonization, wars, etc. Thus, the author focuses on the historical context and conditions of the formation of modernist literature in Kazakhstan and Japan. The significance of this topic is due to the fact that the problem of the development of Kazakh modernist literature, which was artificially interrupted in the 1930s, still remains not fully investigated. In addition, a comparative analysis of the development of modernism in Kazakh and Japanese literatures makes it possible to more clearly see the dependence of the development of the literary process on the political regime, social conditions and censorship.

Keywords: modernism, modernist novel, Kazakh literature, Japanese literature, XX century, censorship, literary struggle, colonialism.

References

- 1 Rekho, K. (1977). *Sovremennyyi yaponskii roman [A Modern Japanese novel]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 2 Grigoryeva, T.P. (2005). *Krasotoi Yaponii rozhdennyi [The beauty of Japan born]*. Moscow: Alfa, 2 [in Russian].
- 3 Zharylgapov, Zh.Zh. (2009). *Qazaq prozasy: agymdar men adister [Kazakh prose: currents and methods]*. Karagandy: Glasyr [in Kazakh].
- 4 Ismakova, A.S. (1998). *Kazakhskaya khudozhestvennaya proza. Poetika, zhanr, stil (nachalo XX veka i sovremennost) [Kazakh fiction. Poetics, genre, style (early twentieth century and modernity)]*. Almaty: Gylym [in Russian].
- 5 Utyaev, A.F., & Zharylgapov, Zh.Zh. (2018). Modernizm khaqyndagy teoriialyq diskurstar [Theoretical discourses about modernism]. *Qaragandy universitetinin khabarshysy. Seriya filologiya — Bulletin of the Karaganda University. Philology series*, 31(89), 54–59 [in Kazakh].
- 6 Zhumadil, A.K., & Zhumadil, M.T. (2018). *Kulturnye protsessy v Kazakhstane v 20–30-e gody XX veka: uchebno-metodicheskoe posobie dlia vuzov [Cultural processes in Kazakhstan in the 20–30s of the twentieth century: An educational and methodological guide for universities]*. Almaty [in Russian].
- 7 Zhurtbay, T. (2016). *Bol moia, gordost moia — Alash!: trilogiia [My pain, my pride — Alash!: Trilogy]*. (O.Zhanaidarov, Trans.). Astana: Audarma [in Russian].

8 Байтурсынов, А. (1919). Revoliutsiia i kazakhi [Revolution and Kazakhs]. *Zhizn natsionalnostei — Life of Nationalities*, 29 (37) [in Russian].

9 Аймауытов, Zh. (1999). *O poezii Magzhana Zhumabaeva (doklad, pročitannyi pered studentami Tashkentskogo universiteta v 1923 g.) [About the poetry of Magzhan Zhumabayev (a report read to students of Tashkent University in 1923)]*. Collected works in 5 volumes. Almaty: Gylym, 5 [in Russian].

10 (2011). *Dvizhenie Alash. Sbornik materialov sudebnykh protsessov nad alashevtsami [The Alash movement. Collection of materials of the trials of the Alashevites]*. (Vols. 1-3). Tom 1: Dokumenty, doprosy i otvety. Sinkhronnye perevody. Materialy sudov. Konfiskovannye pisma [Vol. 1. Documents, interrogations and answers. Simultaneous translations. Materials of the courts. Confiscated letters.]. Almaty: El-shezhire [in Russian].

11 Amantay, D. (2015). Kazakhskaya literatura: klassika, modern i postmodern [Kazakh literature: classic, modern and post-modern]. *Literaturnaya gazeta — Literary newspaper*, 23 (6512) [in Russian].